

и интересного материала и пролить свет на постановку переводческого дела в изучаемую эпоху. Только благодаря разысканиям И. М. Кудрявцева в архиве Посольского приказа удалось установить, что первый перевод «Великого Зеркала» был выполнен именно здесь.

Но, помимо этого, необходимо вообще попробовать представить себе лицо переводчика XVII в. Мы знаем, что не все они были профессионалами. Они не имели порой прямого отношения и интереса к литературе. Были и любители, переводившие, как указывалось выше, за свой страх и риск. К таким любителям относятся выдающиеся писатели и общественные деятели XVII в. Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий. У первого поражает разнообразие переводов, широта кругозора, обличающего в нем человека, стоящего на уровне европейского просвещения. Второй обнаруживает интерес именно к повествовательной переводной литературе, сюжеты которой неоднократно использует в своих виршах. Характеристика того и другого писателей как переводчиков — одна из очередных задач изучения переводной литературы XVII в.

Но имена большинства переводчиков-любителей до нас не дошли. Однако, сопоставляя переводы отдельных произведений, выполненные в разное время и разными людьми, можно, думается, воссоздать образы их исполнителей, выяснить их подготовленность, интересы и отношение к своему труду.

Как пример можно привести два перевода новелл «Великого Зеркала»: первый, принадлежащий переводчикам Посольского приказа, сделанный по заданию свыше, и второй, предпринятый, по-видимому, по личному почину. Если в первом случае переводчики стремятся по возможности точно придерживаться польского оригинала, то во втором случае и отбор новелл, и подход к материалу иные. Он дает возможность нарисовать образ переводчика. Это несомненно лицо духовное, воспитанное в духе православного благочестия. Он сознательно отбирает именно те новеллы, которые находит наиболее ценными, и располагает их в новом порядке. В основе расположения рассказов лежит не внешний признак — по алфавиту, как это дано в польском тексте, а внутренний — по значению содержания. Этим объясняется переработка заглавий: мы находим здесь не краткую передачу содержания, как в польском тексте, а идейный смысл рассказа. Текст здесь излагается свободнее, в него вносятся не только отдельные слова, но и целые эпизоды, живые и выразительные подробности, обнаруживающие любовь переводчика к жизненной детали, желание обрисовать душевное состояние героя, попытку сблизить рассказ с русской действительностью.

Такие или подобные наблюдения можно, думается, сделать, изучая и сопоставляя переводы других произведений переводной литературы, из которых многие дошли до нас не в одном, а в нескольких переводах. Очень интересно в этом плане изучить новые, сделанные в XVII в. переводы произведений, давно известных русскому читателю, например новый перевод «Иудейской войны» Иосифа Флавия, сопоставив его с прежним переводом, выполненным на заре русской культуры. При этом особенно ясны будут сдвиги, которые произошли в сознании русского общества в целом и русского книжника в частности в XVII в.

Необходимо также собрать сведения о переводчиках, имена которых известны и указаны в списках рукописей. Все, что в этом направлении удастся найти, значительно уяснит вопрос о ходе переводческой работы в XVII в.

Выше мы указывали, что большая часть существующих в научной литературе работ, посвященных переводной литературе, изучает преимуще-